

ПОЭТИКА РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «АМПИР В» В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Poetics of the V. Pelevin's novel "Empire V"
in the context of cognitive literary

Людмила Сафронова

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Казахский национальный университет имени аль-Фараби
Алматы, (Казахстан)*

Liudmila V. Safronova
Universidad Pedagógica Nacional "Abai",
Universidad Nacional "Al-Farabi"
Almaty, (Kazajstán)
dinass2002@mail.ru

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 07.11.2016

Fecha de evaluación: 22.12.2016

Cuadernos de Rusística Española n° 12 (2016), 71 - 83

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается левополушарная писательская техника, релевантная постмодернистской картине мира и проиллюстрированная в романе В. Пелевина на разных уровнях его поэтики: мифологическом времени и плоскостном изображении пространства, комбинаторной, коллажной композиции, шизофреническом (ассоциативном) дискурсе, бессюжетности, симуляризации образности, нонселекции, фрагментации, предметности цветописи и т. д.

Ключевые слова: Пелевин, когнитивное литературоведение, поэтика, постмодернизм.

SUMMARY

The article provides insight into the sinistrocerebral writing technique of the author, adequate to postmodern world view and illustrated in the Pelevin's novel at various levels of his poetics: in mythological time and linear figure of space, combinative, collage thinking, schizophrenic (associative) discourse, without a subject, simulacrum characters, non-selection, cognitive fragmentation, the thingness of color representation etc.

Keywords: Pelevin, cognitive literature, poetics of postmodernism.

Когнитивная поэтика — одна из самых новых областей исследования, особенно актуальная для филологии западноевропейских стран и США, но в странах СНГ еще недостаточно известная. Когнитивное литературоведение, используя новейшие междисциплинарные научные данные, оказывается наиболее востребованной для информационной эпохи прагматичной попыткой встроить художественный текст и его рефлексию в общую картину эволюции человека, и тем самым объективировать и актуализировать филологические науки в целом.

Когнитивная лингвистика, одна из самых разработанных областей когнитивистики, функционируя в филологии больше полувека, до сих пор удерживает передовые

позиции в ряду других актуальнейших методологий. В то же время когнитивное литературоведение остается значительно менее разработанным, причем не только в постсоветской науке, но и в среде западных гуманитариев. Еще в большей степени это касается узких областей когнитивного литературоведения, таких как когнитивная нарратология, когнитивная гипнология или когнитивная поэтика.

Постсоветская наука стран СНГ, творчески осваивая зарубежные теоретические концепции, развивает, в основном, экспериментальный корпус когнитивного литературоведения. Русскоязычная литературоведческая когнитивистика за редким исключением (Режабек 2012; Шмид 2014) иллюстрирует апробацию западных теоретических разработок в практическом анализе текста, либо развивается в междисциплинарном направлении интеграции с когнитивной лингвистикой (Камалова, Киклевич 2011; Витковская 2012 и др.). Русскоязычное (в основном постсоветское) когнитивное литературоведение в междисциплинарном аспекте представлено пока что разрозненными публикациями и развито еще недостаточно (Бутакова 2002; Тарасова 2004; Лозинская 2007; Ахапкин 2012; Барышникова 2013; Урусиков 2013; Сафронова 2004, 2008, 2012, 2013, 2015, 2016; Нурбаева 2015; 2015а и др.).

Как пишет А.М. Нурбаева, появившись в рамках литературоведения сравнительно недавно, когнитивная поэтика стала рассматриваться как интердисциплинарная, междисциплинарная и трансдисциплинарная область изучения, и именно в многовекторности когнитивной поэтики заключается основной потенциал ее эволюционирования (2015 а: 4). Настоящая статья — это попытка дивергентного подхода к анализу постмодернистского мышления, интердисциплинарно связанного с когнитивной психологией и нейробиологией, пополняющая корпус отечественной литературоведческой когнитивистики в ее прикладном аспекте. Роман В. Пелевина «Ампир В» — особенно удобный в этом плане материал, так как он не только органично подвергается анализу с применением когнитивной теории/теории действия полушарий мозга, но и сам «подсказывает» важные аспекты этой теории, является и источником данной концепции, и анализируемым предметом.

По наблюдению исследователей, работающих в когнитивной области литературоведения (Николаенко 2007 и др.) именно в период наивысшего развития русской литературной критики начинается новая эпоха «левополушарного мышления». Как заявлял один из радикалов в «Островитянах» Н. Лескова, «Художество отжило свой век и искусство только до тех пор терпимо, пока человечество еще глупо», — (1889: 82-83). В аспекте когнитивного анализа, с точки зрения развития механизмов мышления и привязанных к ним эстетических схем, это утилитарное высказывание снова выглядит актуально в качестве еще одной версии периодизации литературы.

Если проследить изменение художественного письма от лесковского гротескного натурализма к пелевинской рациональной поэтике, становится очевидно, что изобразительные его функции все более редуцируются. Вызвано это, как объясняет *Роман-вампир* (метафора современного писателя в «Империи В» Пелевина), «недостатком эмоционального стройматериала в моей душе» (Пелевин 2006: 102). Художество, конечно, не атрофировалось совсем, но ощутимо технизировалось, что Варфоломей Зайцев, лесковский радикал, интерпретировал бы как факт несомненного общественного прогресса.

Исследование модели «расщепленного» мозга (Sperry 1974: 5-19) позволило установить, что каждое из полушарий — как правое, образное (по Пелевину — *мозг А*), так и левое, аналитическое (*мозг Б*), имеет отдельное «самосознание» и автономные функции. «Кроме ума *«А»* (*«Курс гламура был велик по объему, но почти не запоминался на сознательном уровне»*) (Пелевин 2006: 83) ... *есть ум «Б», который никак не связан с фотографиями... В его глубинах возникает такое ... полярное сияние из абстрактных понятий»* (Пелевин 2006:171). «Первое зеркало — это ум *«А»*. Он одинаков во всех живых существах. В нем отражается мир. А второе зеркало — это слово» (Пелевин 2006: 324). «...ум *«Б»* есть только у человека. Это результат селекции, которую провели вампиры древности» (Пелевин 2006: 178].

В онтогенезе (индивидуальном личностном росте) ход психического созревания свидетельствует, что развитие левополушарных механизмов опережает развитие механизмов правополушарных (Николаенко 2007: 42): «...язык подчиняет себе человеческий ум» (Пелевин 2006: 35). Пелевинский писатель-вампир, носитель языка, это «*другое живое существо. Высшей природы»* (Пелевин 2006: 35), которое, по сути, и является наиболее продвинутым и интеллектуально развитым на земле: «— *А что мне говорить? — Что хочешь. Ты вампир. Мир принадлежит тебе»* (Пелевин 2006: 212). С точки зрения нейропсихологии и нейрофизиологии по мере взросления человека осуществляется мощный пресс левого полушария, с его жесткой схематизацией, на правое, отвечающее за креативность (Николаенко 2007: 160]. Как подтверждает пелевинский вампир, «...*это мой гибнущий мозг превратил в музыку понимание своей судьбы»* (Пелевин 2006: 153].

В приложении к индивидуальному литературному творчеству стремительное истощение правополушарного художественного мышления, «сгорания» примерно к сорока годам, появление подчеркнуто рациональной левополушарной старческой мудрости и в результате драматическое снижение творческой активности, почти всегда провоцируют переход художника от поэзии и драматургии к прозе и затем к публицистике.

Если же эту гипотезу, согласно структурному анализу и теории Л. Гумилева об изоморфности онтогенеза и филогенеза, развернуть до масштабов искусства в целом («*поскольку любая клетка общественного организма живет по тем же законам, что и общество в целом»*) (Пелевин 2006: 22]), эволюция искусства будет прочитываться как история вытеснения одного типа изобразительности другим, с каждым разом все более экономичным в области художественных средств, эмоций и энергетических затрат.

Реалистический тип, связанный с созданием целостных конкретно-чувственных образов, релевантных описываемым предметам, сменяется схематизированным типом творческой деятельности, связанной с магической обрядностью и оперированием геометрическими знаками-символами, который, в свою очередь, вытесняется орнаментальным типом образности.

Работает эта модель и в контексте эволюционирования словесности, в которой на уровне соотношения образа и понятия наблюдаются те же самые процессы расхождения «означаемого» и «означающего», «картинки» и ее интерпретации. Например, в новейшей истории литературы реалистический целостный образ

сменяется партиципацией и символизацией изображения в модернизме и затем дальнейшей симуляризацией и стилизацией в постмодернизме. По К. Бюлеру, резкое отделение символа от образа является результатом борьбы, в которой язык (символическое) одерживает верх (Бюлер 1924: 301). Господство речи (знака) приводит к угнетению рисунка (изображения) как в развитии конкретного ребенка, так и в филогенезе всего человеческого рода.

Согласно гипотезе Р. Якобсона, правое полушарие обращено в прошлое (к прошлому чувственному опыту), а левое — к будущему (обобщению и, потенциально, предсказанию развития событий) (Jakobson 1980). Как говорит вампир Роман, *«На самом деле я менеджер будущего, <...> дизайнер завтрашнего дня. А должность так называется потому, что провокация в наше время перестала быть методом учета и стала главным принципом организации»* (Пелевин 2006: 277).

Отрываясь от анализа значимых признаков, левое полушарие чаще приходит к ложным умозаключениям, рождает образы-симулякры, ложные копии объектов реальности. *«...мысли совершенно не хотели сообщаться друг с другом. Они вообще куда-то пропали. Я не ощущал ни страха, ни возбуждения, ни заботы о том, что случится дальше»* (Пелевин 2006: 47).

Левое полушарие услужливо поставляет человеку необходимые ему иллюзии, подавляет неудобные правополушарные эмоции. *«Страхи, которые копились в моей душе годами, мгновенно растворились в том, что я понял¹. Мне не угрожало ничего в этом мире. Я тоже ничему и никому не угрожал. Ни со мной, ни с другими не могло случиться ничего плохого. Мир был так устроен, что это было невозможно»* (Пелевин 2006: 348). Потому что *«все на свете было сделано из одной и той же субстанции. И этой субстанцией был я сам»*. *<...> «И понять это было самым большим счастьем из всего возможного»* (Пелевин 2006: 348).

Левое полушарие проявляет настойчивое стремление к рубрификации, быстрой смене изображаемых объектов, неустойчивости и зыбкости ассоциаций — все это типичные признаки и (пост)модернистской эстетики. При угнетении правого полушария, когда гиперактивно левое, страдают все этапы формирования целостного реалистичного образа: целенаправленный отбор признаков, их иерархичность и структурирование, установление адекватных связей между признаками и идентификация формирующегося образа с эталоном, хранящимся в памяти. Левополушарных больных, пишет Н.Н. Николаенко (2007: 89), отличает сложность и распространенность синтаксиса, употребление редких слов со сложной, малопонятной семантикой, бессюжетность нарратива и оторванность от объекта изображения: *вампиры — тонкие стилисты, мрачные романтики, задумчивые мечтатели»* (Пелевин 2006: 163).

Причем шизофренический дискурс, наиболее адекватный постмодернистскому мировидению (Делез, Гваттари 1995) (*«Нет, это не извращенец, — подумал я. — Это сумасшедший извращенец»* (Пелевин 2006: 8)), а также маниакальный психоз, состояние чуть ли не половины современного человечества (Руднев 2001) (*« — Маньяк», — подумал я. — Главное — не нервничать... Отвлекать его разговорами...»*

1. Выделено Л.С.

(Пелевин 2006: 7]), являются типичной патологией левополушарной гиперактивности, когда реальное подавляется символическим, изоморфность восприятия внешнего мира нарушается, появляются паралогичность, речевые штампы и персеверация (упорное повторение какого-либо слова в устной или письменной речи), доходящая до речевой разорванности. «— А где ты видел нормальных людей? Их, может быть, человек сто в стране осталось...» (Пелевин 2006:74].

Больные шизофренией часто используют знаки-символы (глаз, крест, кисть руки), характерные только для превалирования активности левого полушария (Зейгарник 1969), «шизофренических калькуляций» (Пелевин 2006: 72). В левополушарном тексте (лечебном предприятии, так как дистанция с изображаемым лечит, снимает комплексы и страхи) образ, как правило, редуцируется до знака. Бог, например, символически изображается через знак руки или глаза, а от человека нередко остается одна голова² «с рыбьим глазом на затылке», «пирамида с глазом». «В центре шкуры висела сморщенная человеческая голова с длинными седыми волосами» (Пелевин 2006: 239). У шаманов, например, также внутренняя сила символизируется изображением гипертрофированного по своим размерам человеческого лица, к которому прямо присоединены руки и ноги, расположенные по его четыре стороны (Николаенко 2007: 130).

Левополушарные изображения человека-головы лишены каких-либо ярких, индивидуальных, самобытных черт и имеют характер застывшей маски, личины. Такое впечатление усиливается дорисовыванием к нижней части маски своеобразной рукоятки (Николаенко 2007: 89): «Вместо шеи у Иштар была мускулистая мохнатая ножка длиной больше метра, которая делала ее похожей на оживший древесный гриб» (Пелевин 2006: 247). Именно для (пост)модернистской поэтики, в отличие от реализма, также характерно создание подобного маскообразного изображения головы. «Ощущение красоты и безобразия рождается, когда отдаляешься от рассматриваемого объекта, и черты лица редуцируются до схематической картинки, которая сравнивается с хранящимися в сознании мультипликационными шаблонами» (Пелевин 2006: 87).

Шаблонность, схематизм, бесплотность этих изображений наводят на мысль, что изображается не собственно человек с какими-либо индивидуальными особенностями, а само понятие о человеке, условное его обозначение, «скелет и маршрут его личности». Маскообразность в левополушарном тексте подчеркивается тем, что в глазницах этих изображений часто отсутствуют зрачки, то есть глаза опустошены. «В районе носа был острый выступ, на месте глаз – две овальные дыры, а в области рта – прямоугольный вырез, прикрытый черной тряпочкой» (Пелевин 2006: 6). Пустые глазницы – знак стереотипизированной души постмодернистского персонажа, «выеденной» безличным языком («Язык что, выедает какую-то часть мозга?»): «Я заметил, что перестал думать. Мой ум больше не генерировал бессвязных мыслей – внутреннее пространство, где они раньше клубились, теперь словно пропылесосили» (Пелевин 2006: 155).

2. См.: изображение человека на обложке романа В. Пелевина «Ампир В». – М.: Эксмо, 2006.

Образ-маска (стандартная окружность, недифференцированное изображение головы и туловища, к которому прикреплены недействующие руки и ноги) выражает статичность, безэмоциональность постмодернистского левополушарного сознания и передает сам способ такого рода мышления — предельную обобщенность восприятия, оперирование схематичными заготовками (персонажами-болванками), выделение лишь огрубленного контура предмета. Среди специалистов-психологов подобное изображение человека принято называть «головоногом» (или по фр.: «человекоподобным головастиком»). «Головоног» отображает основное самоощущение левополушарного сознания — его гипертрофию, доминантность — в ущерб другим функциям мозга и организма. *«Ум «Б» и есть тот орган, который производит деньги. Это денежная железа»* (Пелевин 2006: 179). Но все-таки *«смысл не в том, что денег много, а в том, что ног нет»* (Пелевин 2006: 255).

У богини Иштар, покровительницы гомосексуалистов и главной начальницы пелевинской вселенной, руки и ноги тоже отсутствуют: *«У тебя нет ни рук, ни ног — зато ты решаешь, как развернуть паруса»* (Пелевин 2006: 401). К ее голове, как и на орнаментальных одеждах шаманов, напрямую прикреплены трубки, символизирующие отсутствующие конечности. Зато у Иштар имеется набор сменных голов, то есть, гипертрофировано и их количество.

В мифах об умирающем и воскресающем боге в результате временного поражения бог мог потерять какой-либо жизненно важный орган, как правило, глаз. Пелевинская богиня Иштар лишена всего тела (признаков пола, бессознательного, «ума А») и оказывается, таким образом, самым гипертрофированно полным в истории мифологии инвалидом с характерно левополушарной неравномерной метрикой телесного пространства. Склонность к изображению гомункулусов типична для больных с угнетенной активностью правого полушария.

Левополушарное *«золото Фрейда»* густо рассыпано по всему пелевинскому тексту. Физическая немощ компенсируется здесь звонкой и наглой речью: *«Меня охватила неуверенность в себе, граничившая с физической слабостью, и я решил срочно победить это чувство, сказав что-нибудь яркое и точное, свидетельствующее о моей наблюдательности и остром уме»* (Пелевин 2006: 185). Писатели, *«холодные лицемерные сволочи», «профессиональные вампиры», «поглощают ... направленное на них внимание»: «Девушка, которую я укусил, запомнила меня — и я понял, что понравился ей (это было все равно что увидеть свое отражение в надленном эмоциями зеркале»* (Пелевин 2006: 113). А читатели во время «укуса» чувствуют себя неважно, испытывая *«иррациональное томление, дурные предчувствия, внезапную слабость»* (Пелевин 2006: 107), впадая в зависимость от производимого вампирами «баблоса». Вполне по Фрейду прочитываются и задачи и функции литературного критика — *«Временный рост мандавошки равен высоте объекта, на который она гадит, плюс 0,2 миллиметра»* (Пелевин 2006: 88).

Но *«нельзя же ... осуждать комара за то, что он комар»* (Пелевин 2006:117). Современный писатель, *«комаринский мужик» («Так говорят, если ты не просто вампир, а еще и настоящий мужчина. Так кто ты? — Комаринский мужик»* (Пелевин 2006: 261), — монстр поневоле, некая биологическая закономерность. Руки и ноги во время инициации (переселения языка, то есть посвящения в

писатели) у Романа символически связаны, а затем и вовсе заменены на крылья — «черные тряпочки»: *«И вдруг я понял, что это уже не руки. Вместо них я увидел какие-то черные лоскуты, покрытые коротким блестящим мехом наподобие кротовьего»* (Пелевин 2006: 153). Архетипически руки символизируют созидание материальных благ, а ноги — фаллический символ. Получается, что «комаринский мужик» паразит по определению, так же обделен «немного постыдным, но очень, очень завораживающим аспектом нашей жизни» (Пелевин 2006: 54). «Комаринский мужик», кентавр, состоящий из писателя и мужчины «в одном лице», по Пелевину, тоже существо мифологическое.

Именно левополушарное сознание склонно к мифологическому мышлению: писатели-«вампиры во все времена считались живыми мертвецами» (Пелевин 2006: 152). Человек в маске это также контактер, связующее звено между живым и мертвым мирами, олицетворение предка, тотема — духов (демонов), защитников данного рода. (Пост)модернисты — и сами «цветы зла» («Что самое важное для писателя? Это иметь злобное, омраченное, ревнивое и завистливое эго. Если оно есть, то все остальное приложится») (Пелевин 2006: 88), особенно привержены изображению зла и рисуют его всегда однотипно апологетически в виде черта с рогами, вампира, оборотня, расплывающегося черного пятна. *«Кажется, в комнате появился кто-то живой — но я не мог сфокусировать взгляд и видел перед собой просто мутное пятно. Это пятно пыталось привлечь мое внимание, производя тихие звуки и совершая однообразные движения. Внезапно мои глаза сфокусировались, и я увидел перед собой незнакомого человека, одетого в черное»* (Пелевин 2006: 26).

Черным цветом обычно изображается ад, бездна, тьма, «мутная мгла чужих душ» — то, что уничтожает форму. Неслучайно тьма изображалась в русских иконах неправильной формы, как антисвет и поэтому как антиформа. Для постмодернистского же сознания бесформенность — благо, знак свободы, естественности, потенциальной продуктивности и животворности хаосмоса (хаоса+комоса). Художники-(пост)модернисты «бога и дьявола объединили в один молитвенный объект» (Пелевин 2006: 66): *«В нем было что-то мифистофелевское, но с апргейдом: он походил на продвинутого бога, который вместо архаичного служения злу встал на путь прагматизма, и не чурается добра, если оно способно быстрее привести к цели»* (Пелевин 2006: 26-27).

Это типично левополушарное изображение зла, так как в правополушарном реалистическом изображении оно, напротив, всегда «заземлено» и конкретизировано — это больничная койка, злой человек, кладбищенский крест, военная техника, ракеты, самолеты, танки, ядерное оружие и т.д. (См.: изображение зла в литературе XX в. у А. Солженицына, В. Шаламова, А. Бека, Ч. Айтматова и др.).

Преобладание черного («черный шум») и красного («красное слово») — контрастных цветов, любимой боевой раскраски текста у Пелевина, непрозрачные, густые краски, двухмерность, плоскость изображения — его орнаментальность («навигационная система в моей голове») (Пелевин 2006: 265) одинаково характерны как для (пост)модернистов, так и для больных с признаками угнетения правого полушария. По наблюдениям Н.Н. Николаенко, когда преобладает активность правого полушария, больные не используют «предметные» цвета. Когда гиперактивно левое полушарие — люди настойчиво употребляют «предметные», банальные, чистые цвета

без всяких нюансов и оттенков (одуванчик должен быть обязательно желтым, лист — зеленым, река — синей). Левополушарным людям трудно описать форму предмета, зато они старательно выискивают нужный для «раскраски» предметный цвет. У Пелевина — та же типичная левополушарная цветопись: *глаза-васильки, ярко-алые помада и гвоздики, зеленый лабиринт ветвей, желтые кожаное кресло и кирпич*. В основе такого упорного употребления предметного цвета лежит стремление к излюбленному «головастиками» перечислению признаков, к категоризации.

Именно правополушарным реалистам (И. Тургеневу, М. Пришвину, К. Паустовскому), была дана точность опознавания сложных цветовых образов погоды, времени суток. Правополушарные люди подмечают тонкие индивидуальные характеристики пейзажа, его цветовую насыщенность и переливчатость, оттенки света и самобытность природных форм. Установлено, например, что художники — всегда правополушарны, типично молчаливы (Vogen 1975: 24-32): *«Современный художник — это анальная проститутка с нарисованной жопой и зашитым ртом»* (Пелевин 2006: 88).

А у левополушарных писателей-постмодернистов (мыслителей) наложение классификационных схем на описываемый объект сочетается с полной неспособностью опознать состояние погоды и выливается нередко в самый что ни на есть топорный пейзаж, в игнорирование цветовых эпитетов вообще (*«Я напишу об этом снеге, думал я, об этом сумраке и о таинственных огнях внизу»*) (Пелевин 2006: 406) или в использование ненатуральных, неживых красок — перламутровых, золотых (*«сверкающих золотым равнодушием личин»*), металлических (*«на его металлическом лице играли безжалостные электрические блики»*).

В лучшем случае левое полушарие схематизирует пейзажную ситуацию, подгоняя разнообразие состояния природы под стереотипы. *«На вершине Фудзи темно и холодно, одиноко и пустынно»* — выходит из положения Пелевин, заштриховывая все возможные оттенки цвета черной краской (Пелевин 2006: 406). Преобладание аналитического над художественным мешает изобразительности в постмодернистском творчестве. Но, может быть, и наоборот, рассуждения возникают как раз тогда, когда появляются затруднения в изображении (Николаенко 1985: 47-57; Николаенко 1986: 85-100).

Многое в постмодернистской поэтике легко объясняется ее левополушарностью:

Правое полушарие (реалистическая поэтика)	Левое полушарие (пост)модернистская поэтика)
Иконика	Слово
Целостность	Фрагментация
Целостное изображение человека	Маска, личина
Эмпирика	Теория
Историческое время	Мифологическое время
Сильная семантика	Бессвязная цепь ассоциаций
Прошлое	Будущее
Симметрия	Асимметрия
Объемное пространство	Плоскостное изображение пространства
Отбор значимых признаков	Перечисление незначительных деталей

Причинно-следственная связь	Связь по типу присоединения
Авторская позиция	«Смерть» автора, обезличенный текст
Центрированный монолог	Интертекстуальность
Сложные цветовые образы	Предметные краски
Конкретность, объемность изображения	Орнаментальность, схематичность
Действие	Статика
Форма	Бесформенность
Сюжет	Бессюжетность
Иерархичность организации	Нонселекция
Изоморфность образа и реальности	Симулякризация реальности
Креативность	Стандартизация
Депрессия	Шизофренический дискурс
Пропорциональная метрика тела	Гомункулусы, кентавры
Монолитное, последовательное мышление	Комбинаторное, монтажное, коллажное мышление

Концептуально бесплотные и статичные левополушарные художественные схемы (пейзажи, персонажи, общая композиция текста) задаются внеиндивидуальной, обезличенной точкой зрения. Отсюда не только применение условно чертежных приемов творчества и как следствие плоский характер изображения у постмодернистов, но и такое явление как «смерть автора». Левое полушарие схематизирует формы реального мира, доводя их условных знаков. Для их расшифровки требуется знание контекста. Отсюда широкое распространение интертекстуальности как в построении постмодернистского произведения, так и в его дешифровке и т.д.

Однако диалогичность полушарий, поддержание баланса их взаимодействия, встроены в саму нейропсихологическую структуру личности (Иванов 1975: 3-9). Неуравновешенная деятельность право- и левополушарных знаковых систем приводит к нарушениям психики, к шизофрении. *«Я смутно понимал, отчего так происходит: действия человека всегда направлены на ликвидацию внутреннего дисбаланса, конфликта между реальным состоянием дел и их идеальным образом (точно также ракета наводится на цель, сводя к нулю появляющиеся между частями ее полупроводникового мозга разграничения)»* (Пелевин 2006: 289). А постоянное взаимодействие и интерференция знаковых систем правого и левого полушария являются одним из кардинальных механизмов психической деятельности, «механизмом создания новой мысли» (Николаенко 2007: 23), нового слова в искусстве.

Постмодернисты максимально отрефлексируют свою творческую лабораторию и прекрасно понимают, что творческая активность оказывается продуктивнее, если писатель преодолевает барьер левополушарных стандартов, искусственно стимулируя свою правополушарную деятельность. Некоторые наркотики, в частности марихуана, увеличивают активизацию правого полушария (Николаенко 2007: 260), это отлично известно и Пелевину: *«Такое вполне мог бы нарисовать сюрреалист прошлого века под воздействием гашиша...»* (Пелевин 2006: 238).

«Самому главному тебя научит язык», — говорит вампир-мэтр своему воспитаннику (Пелевин 2006: 35). Однако, как известно, это талант легко обучается, а гений изначально знает все. Эта формула гениальности, божественного дара есть и у Пелевина: *«Рыба не думает, потому что рыба все знает»* (Пелевин 2006: 183), *«Вампир не верит, вампир знает»* (Пелевин 2006: 217). Планка профессионализма, тем самым, задана.

Новый роман Пелевина, как всегда, гениально инсценирующий очередной актуальный дискурс, — это предупредительный выстрел писателю в голову и демонстративно погребальный звон по изобразительному аспекту творчества, «этой переливающейся игре беспредметных образов». Гламур и дискурс, внушает Пелевин, вещи нераздельные, как колдовство и запрещение бегства от него. Цель такого художественного синтеза — сохранить литературе жизнь.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BOGEN, J. (1975): *The other side of the brain, VII: some educational aspects of hemisphere specialization*. UCLA Educator. V 17.
- ЯКОВСОН, Р. (1980): *The framework of language*. Ann Arbor.
- SPERRY, R.W. (1974): “Lateral specialization in the surgically separated hemispheres”. В кн.: *The neurosciences Third Study Program*, Cambridge, Massachusetts, Chap. 1.
- АХАПКИН, Д. (2012): “Когнитивный подход в анализе современных художественных текстов”. НЛЮ, № 114.
- БАРЫШНИКОВА, Д. (2013): “Когнитивный поворот в постклассической нарратологии (обзор англоязычных книг)”. НЛЮ, № 119.
- БУТАКОВА, Л.О. (2002): “Постулаты когнитивной поэтики”. В Кн.: *Когнитивное моделирование. Обработка текста и когнитивные технологии*. Казань; Москва. Вып.7. С. 84-94.
- БЮЛЕР, К. (1924): *Духовное развитие ребенка*. Москва.
- ВИТКОВСКАЯ, Л.В. (2012): *Когниция смысла*. Изд-во Пятигорского государственного университета. Пятигорск.
- ДЕЛЕЗ, Ж., ГВАТТАРИ, Ф. (1995): *Капитализм и шизофрения*. Москва.
- ЗЕЙГАРНИК, Б.В. (1969): *Введение в психопатологию*. Москва.
- ИВАНОВ, В.В. «Знаковые системы научного поведения», *Общие вопросы*, НТИ. Сер. 2. **КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА: ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ**. (2011): Науч. ред. А. Камаловой. Olsztyn.
- ЛЕСКОВ, Н.С. (1889): *Собр. Соч.* Санкт-Петербург. Т. 3.
- ЛОЗИНСКАЯ, Е.В. (2007): *Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX-XXI веков: Аналитический обзор*. РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения. Москва.
- НИКОЛАЕНКО, Н.Н. (1985): *Взаимодействие полушарий мозга в процессе восприятия и обозначения цвета. Сенсорные системы. Сенсорные процессы и асимметрия полушарий*. Ленинград.
- НИКОЛАЕНКО, Н.Н. (1986): «Цветовые пространства доминантного и недоминантного полушарий мозга», *Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам. - Ученые записки ТГУ*. Тарту, Т. XIX. Вып. 720.
- НИКОЛАЕНКО, Н.Н. (2007): *Психология творчества*. Санкт-Петербург.
- НОВОЖИЛОВА, А.А. (15.04.2016): *Временная референция. Дейксис и анафора [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: [www. URL: http:// www. litportal. ru](http://www.litportal.ru).
- НУРБАЕВА, А. (2015а): *Когнитивная поэтика рекламного текста*. Дисс. докт PhD. Алматы.

- ПЕЛЕВИН, В.О. (2006): *Ампир В*. Москва.
- РЕЖАБЕК, Е. Я. (2012): *Мифомышление: Когнитивный анализ*. Изд. 2-е. Единоториал УРСС, Москва.
- РУДНЕВ, В. (2001): «Психотический дискурс». В кн.: Руднев В. *Метафизика футбола*.
- САФРОНОВА, Л.В. (2004): «Когнитивно-дидактический механизм жанров слухов и сплетен (на материале произведений С. Довлатова)». В кн.: *Когнитивные стили коммуникации. Теории и прикладные модели*. Доклады международной конференции. 20-25 сентября 2004, Крым, Партенит. Изд-во ТНУ им. В.И. Вернадского. Симферополь. С.165-170.
- САФРОНОВА, Л.В. (2008): «Постмодернизм в фокусе когнитивного литературоведения» В кн.: *Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве*. Материалы конгресса. В 2-х т. Т. 2, Ч. 2. МИРС, Санкт-Петербург. С. 322-330.
- САФРОНОВА, Л.В. (2010): «Постмодернистский текст и гоголевский язык мозга» В кн.: *Гоголь и XX век*. Материалы международной конференции, организованной докторской программой ELTE «Русская литература и культура между Востоком и Западом». *Dolce Filologia*, Будапешт. С. 198-203.
- САФРОНОВА, Л.В. (2012): «Модель эмиграционной идентичности» В кн.: «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». Материалы VI Международной научной конференции. Челябинск, 23-24 апреля, 2012 г. В 2 т. Т. 2. Изд-во Челяб. Ун-та, Челябинск. С. 212-221.
- САФРОНОВА, Л.В. НУРБАЕВА, А.М. (2015): «Междисциплинарные аспекты когнитивной поэтики». *Наука и жизнь Казахстана*. № 6 (33). С.133–136.
- САФРОНОВА, Л.В. (2016): «*Genesis of Violence in a Psychoanalytic and Cognitiv Light. Basde on V. Sorokin's Novel Blue Lard*». *Russian Literature*. № 82. Pp.49-66.
- САФРОНОВА, Л.В. (2016): «The Metaphysics of Numbers in the Eurasian Artistic Mentality: Viktor Pelevin's The Dialectics of the Transition Period (From Nowhere to No Place)». В кн.: *Facets of Russian Irrationalism between Art and Life Mystery inside Enigma. Edited by Olga Tabachnikova. Translation Editors Elizabeth Harrison Christopher Tooke*. Brill Rodopi, Leiden / Boston: P. 475 -496.
- ТАРАСОВА, И.А. (2004): *Введение в когнитивную поэтику*. Саратов.
- УРУСИКОВ, Д.С. (2013): «Когнитивный поворот в нарратологии: в поисках метода» В кн.: *Семиосфера нарратологии: диалог языков и культур: междунар. сб. науч. ст. / под общ. ред. Л.В. Татару, Х. А. Гарсия Ланды. Балашов: Николаев*. С.58-68.
- ШМИД, В. (2014): «Перспективы и границы когнитивной нарратологии (по поводу работ Алана Пальмера о "fiction mind" and "social mind")». *Narratorium*. № 1(7).

БИБЛИОГРАФИЯ

- АКНАРКИН, D. (2012): "Kognitivnyy podkhod v analize sovremennykh khudozhestvennykh tekstov". *NLO*, № 114.
- BOGEN, J. (1975): *The other side of the brain, VII: some educational aspects of hemisphere specialization*. *UCLA Educator*. V 17.
- BARYSHNIKOVA, D. (2013): "Kognitivnyy povорот v postklassicheskoy narratologii (obzor angloязычных книг)". *NLO*, № 119.

- BUTAKOVA, L.O. (2002): "Postulaty kognitivnoy poetiki". V Kn .: Kognitivnoye modelirovaniye. Obrabotka teksta i kognitivnyye tekhnologii. Kazan'; Moskva. Vyp.7. S. 84-94.
- BYULER, K. (1924): Dukhovnoye razvitiye rebenka. Moskva.
- DELEZ, ZH., GVATTARI, F. (1995): Kapitalizm i shizofreniya. Moskva.
- IVANOV, V.V. «Znakovyye sistemy nauchnogo povedeniya», Obshchiye voprosy, NTI. Ser. 2.
- KOGNITIVNAYA POETIKA: PROBLEMY, OPYT ISSLEDOVANIYA. (2011): Nauch. red. A. Kamalovoy. Ol'shtyn.
- JAKOBSON, R. (1980): *The framework of language*. Ann Arbor.
- LESKOV, N.S. (1889 g.): Sobr. Soch. Sankt-Peterburg. T. 3.
- LOZINSKAYA, Ye. V. (2007): Literatura kak myshleniye: kognitivnoye literaturovedeniye na rubezhe KHKH-KHKHI vekov: obzop Analiticheskoy. RAN INION. Tsentr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. literaturovedeniya. Moskva.
- NIKOLAYENKO, N.N. (1985): Vzaimodeystviye polushariy mozga v protsesse vospriyatiya i oboznacheniya tsveta. Sensornyye sistemy. Sensornyye protsessy i asimmetriya polushariy. Leningrad.
- NIKOLAYENKO, N.N. (1986): «Tsvetovyye prostranstva dominantnogo i nedominantnogo polushariy mozga», Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. Trudy po znakovym sistemam. - Uchenyye za-piski TGU. Tartu, T. KHIKH. Vyp. 720.
- NIKOLAYENKO, N.N. (2007): Psikhologiya tvorchestva. Sankt-Peterburg.
- NOVOZHILOVA, A.A. (15.04.2016): Vremennaya referentsiya. Deyksis i anafora [Elektronnyy resurs]. - Rezhim dostupa: WWW. URL: HTTP://WWW.litportal.RU.
- NURBAYEVA, A. (2015a): Kognitivnaya poetika reklamnogo teksta. Diss. dokt PhD. Almaty.
- PELEVIN, V.O. (2006): Ampir V. Moskva.
- REZHABEK, Ye. YA. (2012): Mifomyshleniye: Kognitivnyy analiz. Izd. 2-ye. Yedinoterial URSS, Moskva.
- RUDNEV, V. (2001): «Psikhoticheskoy diskurs». V kn .: Rudnev V. Metafizika futbola.
- SAFRONOVA, L.V. (2004): "Kognitivno-didakticheskoy mekhanizm zhanrov slukhov i spleten (na materiale proizvedeniy S. Dovlatova)". V kn .: Kognitivnyye stili kommunikatsii. Teorii i prikladnyye modeli. Doklady mezhdunarodnoy konferentsii. 20-25 sentyabrya 2004 goda, Krym, Partenit. Izd-vo TNU im. V.I. Vernadskogo. Simferopol'. S.165-170.
- SAFRONOVA, L.V. (2008): "Postmodernizm v fokuse kognitivnogo literaturovedeniya" V kn .: Russkaya literatura v mirovom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve. Materialy kongressa. V 2-kh t. T. 2, CH. 2. MIRS, Sankt-Peterburg. S. 322-330.
- SAFRONOVA, L.V. (2010): "Postmodernistskiy tekst i gogolevskiy yazyk mozga" V kn .: Gogol' i KHKH vek. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, organizovannoy doktorskoy programmoy ELTE "Russkaya literatura i kul'tura mezhd Vostokom i Zapadom". Dolce Filologia, Budapesht. S. 198-203.
- SAFRONOVA, L.V. (2012): "Model' emigratsionnoy identichnosti" V kn .: "Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh». Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Chelyabinsk, 23-24 aprelya, 2012 g. V 2 t. T. 2. Izd-vo Chelyab. Un-ta, Chelyabinsk. S. 212-221.

- SAFRONOVA, L.V. (2016): "*Genesis of Violence in a Psychoanalytic and Cognitiv Light. Basde on V. Sorokin's Novel Blue Lard*". Russian Literature. № 82. Pp.49-66.
- SAFRONOVA, L.V. (2016): "The Metaphysics of Numbers in the Eurasian Artistic Mentality: Viktor Pelevin's The Dialectics of the Transition Period (From Nowhere to No Place)". В кн.: Facets of Russian Irrationalism between Art and Life *Mystery inside Enigma. Edited by Olga Tabachnikova. Translation Editors Elizabeth Harrison Christopher Tooke.* Brill Rodopi, Leiden / Boston: P. 475-496.
- SAFRONOVA, L.V. NURBAYEVA, A.M. (2015): "Mezhdistsiplinarnyye aspekty kognitivnoy poetiki". Nauka i zhizn' Kazakhstana. № 6 (33). S.133-136.
- SHMID, V. (2014): "Perspektivy i granitsy kognitivnoy narratologii (po povodu rabot Alana Pal'mera o "fiction mind" I "social mind")". Narratorium. № 1 (7).
- SPERRY, R.W. (1974): "Lateral specialization in the surgically separated hemispheres". В кн.: *The neurosciences Third Study Program*, Cambridge, Massachusetts, Chap. 1.
- TARASOVA, I.A. (2004): Vvedeniye v kognitivnuyu poetiku. Saratov.
- VITKOVSKAYA, L.V. (2012): Kognitsiya smysla. Izd-vo Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. Pyatigorsk.
- URUSIKOV, D.S. (2013): "Kognitivnyy povorot v narratologii: v poiskakh metoda" V kn .: Semiosfera narratologii: dialog yazykov i kul'tur: mezhdunar. sb. nauch. st. / Pod obshch. red. L.V. Tataru, KH. A. Garsiya Landy. Balashov: Nikolayev. S.58-68.
- ZEYGARNIK, B.V. (1969): Vvedeniye v psikhopatologiyu. Moskva.